

Меморандум Лиги Обера

26 Мая 1925 года Советом Международного Соглашения для борьбы с III Интернационалом было решено представить правительствам Европы, Соединенных штатов и Японии меморандум о деятельности III Интернационала.

В Международное Соглашение входят следующие страны: Германия, Австрия, Бельгия, Болгария, Дания, Испания, Эстония, Финляндия, Франция, Великобритания, Греция, Венгрия, Италия, Латвия, Норвегия, Нидерланды, Польша, Румыния, Россия, (Русская Противобольшевистская Лига) Швейцария, Чехословакия и Югославия.

В коротком предисловии к Меморандуму указывается, что когда в прошлом году произошла какая-нибудь опасность, то государства обсуждали средства борьбы с ней на международных конференциях.

Нынче, — говорит меморандум — существование всех государств и будущее цивилизации находится под угрозой куда более значительной опасности вследствие деятельности 3-го большевистского Интернационала. Эта огромная опасность, угрожающая каждому государству, многообразна. Последнее доказывается простым перечнем международных организаций, коим пользуются Коминтерн для осуществления своих разрушительных намерений.

Меморандум разбит на две части. В части первой, — посвященной названию «III Интернационал» — враг современного государства», говорится о том, что вся работа Коминтерна направлена на разрушение современного государства. Для достижения поставленной цели Коминтерн не стесняется в средствах. Для него особенно нежелательно установление прочного мира и он поддерживает всякую недовольства. Коминтерн враг устоев современной цивилизации. Религия, семья, собственность являются главными объектами его нападения.

Вторая часть меморандума носит название «Обязанности правительства бороться с деятельностью III Интернационала».

«Коминтерн угрожает внутренней и внешней безопасности каждой страны, ее экономическому благосостоянию, принципам ее конституционного и гражданского права и социальной морали, отношениям с соседями, международному миру, т. е. всему тому, что является первым долгом всякого правительства защищать».

«Между современным государством и III Интернационалом существуют неопровержимые противоречия, равносильные беспощадной борьбе, в которой один из противников должен погибнуть».

Коминтерн посягает на безопасность каждого государства, — поэтому «сопротивление III Интернационалу является делом, которое повлечет за собой скорейшее его разрушение, может быть осуществлено только в международном масштабе».

Коминтерн есть генеральный штаб всемирной революции и для борьбы с ним необходим договор всех стран.

Ни одно государство не может отнестись к тому, что делается в другом государстве. Каждое государство заинтересовано в поддержании социального порядка в соседних странах.

Меморандум кончается следующим обращением:

«Международное соглашение для борьбы с III Интернационалом, которое имеет целью обратиться к правительствам Европы, Соединенных Штатов и Японии, охватывает в настоящее время национальные центры почти всех стран Европы. Оно заняло, и это без боязни быть опровергнутым, что оно говорит от имени общественного мнения всего мира, все больше вступающего в соприкосновение с Коминтерном. Соглашение просит Правительства обратиться к самому серьезному вниманию на настоящее ходатайство».

Оно почтительно, но настойчиво просит установить соглашение между правительствами в целях координации усилий против пропаганды и подпольных действий III Интернационала.

Члены Совета Соглашения, которые, — что интересно здесь еще раз отметить, — представляют двадцать одну европейскую нацию, выразили единогласное пожелание, чтобы эта координация усилий различных государств осуществлялась не только в отношении чисто полицейских мер, но касалась бы всех сторон деятельности III Интернационала, охваченной в настоящем меморандуме.

Надежды в частности отметить неотложность общих или частных соглашений в целях воспрепятствования подготовки в соседнем или более дальнем государстве революционных нападений, направленных на другое государство. Для достижения этой цели не обходимо также путем совместных действий держав положить предел злоупотреблению советскими посольствами, миссиями, коммерческими агентствами и делегациями сов. Красного Креста, дипломатическим иммунитетом и гостеприимством наций, а также покровительством Женевской Конвенции. Злоупотребления эти приводят к созданию секретных центров действий III Интернационала».

Меморандум подписан председателем бюро Лиги Теодором Обером.

ДВИЖЕНИЕ ЦЕНТ В О ФРАНЦИИ

За последнее время происходит повышение общего уровня цен. Ценовую характеристику этого явления дают следующие показатели, опубликованные Federal Reserve Board Соединенных Штатов Америки. В основу их лежат отовары цен на главные товары за 1913 г., принятая за 100. В мае 1924 г. числа показателя были равны 428, в мае же 1925 г. — 467. При пересчете на золотую валюту оказывается, что уровень цен за сравнительный период обременен тенденцией к понижению. Числа показателя, численные, так или иначе, определялись в 128 для мая 1924 г. и в 125 для мая 1925 г.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

Г-жа Аспиналь и ее пять приятельниц, возвратившись из путешествия по Советской России, публикуют свои впечатления. Их интересовало положение женщин при коммунистическом режиме, и они находят, что нет таких слов, которые могли бы описать их восторг перед разнузданностью в Москве картиной. Женщины освобождены от всей домашней суеты, фабрики имеют детские сады и рестораны, женские клубы, дома отдыха и больницы, так что «хозяйственные» работы совершенно отпадают от советской женщины.

Конечно, клубы и детские сады прекрасная вещь. Если государство заботится о детях рабочих, — то это можно только приветствовать. Однако только смущает меня: посещала ли г-жа Аспиналь и пять тред-юнионских дам московские школы?

Я там не была, но я читала последний отчет о состоянии этих школ. Они появились в «Правде» и не могут быть, значит, изменением злобных «блужданий». Вот, что в нем напечатано.

Если взять кубатуру, исчисляемую госпланом по «голодной норме» в 13 куб. аршин на учащегося (два аршина на два аршина по полу и 3 с четвертью в высоту), то в Москве не хватало до этой голодной нормы 33.179 куб. саж., т. е. 82%. Если удовлетворять только 18% голодной нормы, то значить на каждого учащегося приходилось не 13, а только 2 куб. аршина, т. е. аршин на аршин по полу и 2 аршина вверх, совсем маленький шкапчик, в котором учащиеся должны находиться целый день.

«Результаты такой бедности известны: неизбежное развитие туберкулеза среди детей школьного возраста. Из обследованных в Тумановском районе 10768 учащихся туберкулез обнаружен у 1828 человек, т. е. 17% учащихся. Это уже прямая угроза катастрофы».

Отчет указывает, что для развития 16% тысяч новых учеников, нужны кредит не менее 8 милл. рублей. «Таких средств Московский Совет», конечно, изыскать не мог бы, уже не говоря о том, что здания нужны к осени».

Следовательно, «не попавшие в школу дети заполняют осенью московские улицы и увеличивают кадры безработных».

Улица, конечно, тоже есть клуб и даже очень proletарский. Но как же повернулся у этих англичанок язык сказать, что московские женщины — работницы чувствуют себя прекрасно, ибо Советы освободили их от домашних «суеты»? Чья же особенность? Школами безвозврат, а и теми в не достаточном количестве.

**

В Англии нарастает тяжелый кризис угольной промышленности. Закрыто 580 шахт. Двадцать тысяч шахте-

ров не могут найти себе работы. Секретарь их синдиката Кукс заявляет, что 1-го августа может вспыхнуть всеобщая забастовка и, значит, гражданская война. «Довольно поглупи нашей кровушки!»

Разрешите привести только одну цифру. Точным статистическим подсчетом установлено, что из каждых 20 шиллингов, остающихся шахт с покупателя угля, рабочие берут себе в виде заработной платы, 19 шиллингов и 7 1/2 пенса, т. е. 98%. Злоному капитализму на все и про все, 4 1/2 пенса, т. е. 2%. Посему, рабочие требуют, чтобы их плата была увеличена.

По моему мнению, шахты закрываются оттого, что синдикальные ставки слишком высоки: уголь, добытый столь жорговыми рабочими руками, не может конкурировать на мировом рынке. Следовательно надо или уменьшить заработную плату, или давать так, как в Скотланде: платить 29 коп. за пуд добытого угля, брать 13 коп. за пуд произведенного угля.

Для того, чтобы добиться такого результата, надо сначала установить структуру рабочих над Англией и заставить всех не-рабочих работать на рабочих.

Как известно, коммунизм обозначает собой электрификацию деревни и тракторизацию села. Все делается электрическим путем и усовершенствованными моторами.

А вот что пишут в «Известиях» из Воронежской губернии. Оказывается, что тракторы эти имеют несколько странный вид.

Крестьяне платят тяжелый налог со скота. Но этот налог не падает на скот — молодяток. Следовательно надо использовать эту свободу от налога часть скота. И крестьяне пахут на несформировавшихся бычках.

«Конечно, такое использование молодых бычков окончательно губит рабочий скот и разоряет крестьянское хозяйство», — говорит р. скорь К. О.

Таким образом разговор идет о тракторах, а на практике дело сводится к варварскому калечению самого ценного, что есть у крестьян, подростка юного скота.

Ал. Пиленко

СКРЖИНСКИЙ И СИОНИСТЫ

Министр иностранных дел Скрижинский перед отъездом в Америку объявил о следующем: «Следующим постановителем международного сионистского конгресса в Лодзи».

«Польское правительство с большим интересом следит за усилиями сионистов возродить национальную индивидуальность и культуру еврейства в естественной колыбели. Польское правительство остается в пределах порож. Ланг и Маней и согласно с духом международных договоров готово предложить свою помощь в этом деле, которое направлено на развитие цивилизации и укрепление мира».

ОКАЯННЫЕ ДНИ

ИЗ ОДЕССКОГО ДНЕВНИКА 1919 Г.

Ночь на 24 апреля

Последний раз я был в Петербурге в начале апреля 17 года. В мир тогда уже произошло нечто невообразимое: брошена была на полный произвол судьбы — и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны — величайшая на земном шару еще не бывала, ибо власть над этими тремя тысячами верев, над вооруженной ордой, в которую превращалась многомиллионная армия, уже переходила в руки каких-то «комиссаров» из журналистов, родъ какого-то Собора, Гортанского. Но не менее странно было и во всем прочем пространстве России, где вдруг обрвалась громадная, вбита палачи жизнь и воцарилось какое-то неподвижное существование, безличная праздность и противоестественная свобода от всего, чья живо человеческая общность.

Я прибыл в Петербург, вышед из вагона, пошел по аданию вокзала: я был в Петербурге, — может, именно потому, что это был Петербург, — был, как будто еще страшнее, чем в Москве, как будто еще больше народа, рпенно не знающего, зачем он сюда пришел и что ему делать, и совершенно свободно и бесцеремонно шагая по воздуху, где угодно, по всем вокзалам, чтобы взять извозчика: извозчик тоже не знал, что ему делать, — вести

или не вести, — и не знал, какую называть цену.

— В европейскую, — сказал я. Он подумал и ответил наугад: — Давать цыганам.

Цена была по тем временам еще совершенно неслыханна. Но я согласился, съел и похал — и не узнал в Петербурге, как не узнал вокзала.

В Москве в те же прохладные горючие жизни уже не было, хотя и шла со стороны власти сумасшедшая по своей бездельности и гордым имитация какого-то будо — бы онаго грой, нового чина и даже парад жизни. Но — же и еще в превосходной степени было в Петербурге. Непрерывно шли собрания, заседания и митинги, один за другим издавались воззвания и декреты, неистово работали знаменитый «прямой провод» — и кто только не ричал, ни командовал тогда по этому поводу! — по Пескову то и дло проносились правительственные машины с красными флажками, грохотали переполненные грузовики, не в мру бой ко и четко отбивали шаг какие то отряды «красных знаменами и с музыкой... Неволок вообще был неузнаваем. Он был затоплен срой толпой, солдатней пиныла в нарядку, переоблаченная рабочими, тулущей перед собой и великими ярыгами, торгующими с толков и палатками, и красными бантами, и похабными карточками, и сластями, и всем, чего просили. А на троуарях был сор, шелуха подсолнухов, а на мостовой мстами лежали навозный лед, были горы и ухабы. И да полпути извозчик неожиданно сказал

миф то, что тогда уже говорили многие мужики с бородами:

— Теперь народ, как скотина без пастуха, все перегадит и самого себя погубит.

Я спросил:

— Так что же делать?

— Делать? — сказал он. — Делать теперь нечего. Теперь пахобит. Теперь правительству ниту.

Я взглянул вокруг, на этот новый, азиатский Петербург... «Правильно», подумал я, — пахобит. Но во глубине — то души я еще не что — то надбавил и в полное отсутствие правительства еще не совсем вбрыл.

Не вбрыл однако нельзя было. Я в Петербурге почувствовал его особенно живо: в тысячекратном и огромном доми наемном случилась некая смерть, дом был теперь разбит, раскрит, раскрит, и полон несметной прайдой толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев. И среди этой толпы носились насильники покойника, шальные от злости, раскрит, раскрит, раскрит, однако, никто не слушал. Толпа шакала из покоя в покой, из комнаты в комнату, на минуту не переставая гнуть и жевать, пока еще только поглядывая, за порой до времени помалкивая. А насильники носились и без умолку говорили, вечно в ней поджались, утварили ее и сами себя, что то ренно она, державшая толпу, навсегда разбила какие — то оконы в своем «свидетельстве гнью», и не стараясь вынуть и себя и ей, что сама — то дло она ничуть не насильники, а так только — временные распорядители, будо — бы ею — же самой и уполномоченные.

И вот я еще раз и как — то особенно трезво взглянул в те петербургские дни и на них, и — мысленно — на всю Россию.

Я видел Марсело Поле, на котором

только что совершили, как нкое традиционное жертвоприношение революции. Комедия похорож будо — бы пашиха — свободу героев. Какое кому дло до того, что это было собственно издательство над жертвами, что они были лишены честного христианского погребения, заколочены в гроба почему — то красивые и противостоят законам в самом центре города живых! Комедия профдлал с полным легкомыслием, и оскорблял скромный прах никому невдомых покойников — высокопарным красноречием, из края в край парили и востона неидеальная площадь, обезобразили ее земляными ямами и бутрами, напылили на ней высокими голых шестов, на длинных и узких черных трюпах и зачьем — то огородали ее дослатыми заборами, на скорую руку сколоченными и мерками не менее шестов своей дикарской простотой.

Я видел очень большое собрание на открытой выставке финских картин. До картин я был там тогда! Но вот оказалось, что до картин. Старались, чтобы народу на открытии было как можно больше, и собрался «весь Петербург» — во главе с икторскими полыми министрами, знаменитыми думскими депутатами, и все трое уломали финнов поехать к чорту Россию и жить на собственной воле: не умно иначе определить тот восторг, с которым горелись рфа финнами по поводу «зари свободы, засиявшей над Финляндией». И дло оком того богатого особняка, в котором происходило все это и который стоял как раз возд Марсело Поля, я опять глядел на это страшное и отвратное могильное позорище, в которое превратили его.

А зачьем я был еще на одном торжестве в честь все той же Финляндии, на банкете посл открытия выставки. И вот, до чего ладно и многозначна-

Дневник бжженца

О ЗЕМЛ — ПО «НЕДОРОСЛОЮ»

Блестящий и богатый поляк, член Государственного Совета по выборам, с усмешкой говорил про своего соседа по креслу, из товарищей министров: «Странное тшеславие у этого человека: непременно знать на зубок все скучные вещи!»

«Скучные вещи» эти касались — крестьянского и земельного дла.

По своему поляк был прав: ничего не было скучнее этих вопросов в кутейкино-чиновничьей их трактовке. Над ними витал тогда дух «песчанно-овражного длопроизводства»..... (было, действительно, такое! помню зеленую вывеску с этими словами на одной из комнат «зеленой скуки», в де партамент земледелия).

Ну, а радикально-статистическая пшания разных Цифринных о крестьянском «землевлднии» и «землепользовании», в толстых журналах? Вд, это было тоже неразрзаемый, скучный шй балласт!

оссия жила урожаем; крестьяне бредили о земл, вся политика творилась их именем, — о трона, как и в польдоль... А писать о земл было «скучно»!

И даже теперь: посл того, как большевицкая революция — (другой то, вд, не было, был только скоканный февральский пролог!) — стукнула всх по темен и всх достаточно вразумила; когда ни один Скотинин, стукнувшись, больше не спрашивает: «цфы из ворота?», ибо он знает, что все разрушено... посл переоцнки цшности? Когда большевики, сначала выхав на земл, потом о земл же и споткнулись? В толках о земл все же — изьяная путаница.

Ликуют советские Вральманы, грустят помбщичьи Стародумы... А большинство бжженцев — Простаковых? Они так и не знают: что им, собственно, думать о бывшем великом «земельном Недоросле» — России?

Нужно прикосновение подлинного знания и таланта, чтобы земельный вопрос ожил в нравственном сознании бжженства. Подождем голоса о нем предочаго сзла.

А пока, что, — даже непрерывная поминка «Последних Новостей» с «Возрождением», по всему курсу! — зашла земельный вопрос только сбoku.

В одной из своих статей, Шульц обронил вскольз картинное слоо о запущенн и одичавшем помбщичьих земл. На это ему профессор Куниер с чисто-ученическим рвением объяснил, что, правда, в 1922 году, в России насчитывалось только всего 2 проц. прежнего до-военного посзв, т. е., мы откатились на полях нал — но, что уже в следующем, 1923 году его стало 73 проц., а в 1924 же 85 проц.

Как могла произойти такая благод, при отсутствии инвентаря и всх лобие «прилагательных» к сельскому хозяйству, профессор не объясал. Но он не замтил, что даже, если бы принять его высокие цифры, то и в прошлом году России не хватало, как раз ровненько всего помбщичьего хозяйства, (составлявшего 15 - 20 проц. общего всероссийского хозяйничанья на земл). Оно куда то, все таки, провалилось, цшником выпало, — не говоря уже о том, что сборы урожая с

земель теперь далеко не прежние, и не хватка хлеба куда чувствительнее нехватки посзв.

Правда, при его, Кулишерском, темп нарастания цифр (62 проц, 73 проц, 85 проц., — значит, в следующем году, 98 проц.), выходило, что нехватка эта — пустая, и уже в нынешнем, 1925 году вся утрата помбщичьего хозяйства может быть разом восполнена: вопрос месяцев!

Такое «Цифринское» понимание земельного вопроса заслуживает, конечно, улыбки. Но вот, что заслуживает и морщины на лбу, и самого пристального внимания.

Россия в сельском хозяйстве отброшена далеко назад: помбщичьи хозяйства пропало. Оно погибло, зря, — как многие нужнейшие для России жизни; как многие безпщные для политического и хозяйственного творчества задатки, надежды и заблуждения, — источник жертвенного порыва! как лучшие культурные и нравственные традиции; наконец, как бесчисленные сбережения и текущие счета в банках, навыки и запасы сырья в промышленности... Из «священной», а также из прозаической «собственности» России многое безвозвратно ушло. — «Вот злонравия достойные плоды!»

Что же осталось? Одно только тощее «право на вознаграждение» — из путей государственной кассы?

Нть! также и поумнние бывшего змельного «Недоросля». Он понял, что и сама матушка устает, без толку лотя батюшку.

Для вывоза, прокормления городов, для сахарных заводов, вообще, для не Скотининского существования жизненно необходимы и, конечно, сложатся не только мелкая карликовая хозяйства — («Иван пахал, Иван и пожрал»), — но, и снова, хозяйства предприимчивельские, покрупнее.

Вся разница в том, что под ними, силою вещей, окажутся уже новые земельные, житейские, а стало быть, и правовые основы. Многие помбщичьи земли вошли и все глубже входят в крестьянский засзв, в новые, живые и уже неразрывные клточки (иногда за счет крестьянских земель, заброшенных).

Вывод: возрождение крупного хозяйства необходимо, но никакая земельная реставрация не может быть, ни политически, ни технически, ни проведена, ни даже задумана.

До этого нравочения досрочи теперь, кажется, все — и правые, и лвые недоросли.

Джон.

НЕУДАЧА КОММУНИСТОВ

Недавно в Вильневе-ле-Руа коммунистическое меньшинство в муниципальном совете учинило насилие над большинством и под угрозами заставило большую часть муниципальных советников, подать в отставку. В результате, вышел в отставку весь совет цшником.

На состоявшихся на днях перевыборах все коммунисты забаллотированы. Прошел цшником список лвых республиканцев.

до того, к безмрному изумлению посла, вдруг пришла из дикое и бессмысленное неистовство и вся зала: зараженные Маяковским, все на с того, ни с сего заорали и себя, стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать и — тушить электричество. И вдруг все покрьл истинно трагический вопль какого — то финского художника, похожего на бритого моряка. Уже хмельной и смертельно бдный, он, очевидно, потрясенный до глубины души отим измешением свнства, и желая выразить свой протест против него, стал что есть силы и буквально со слезами кричать:

— Много! Много! Много! Много! И еще одно торжество случалось тогда в Петербурге! — прибыл Ленин. «Добро пожаловать!» — сказал ему Горький в своей газете. И он пожаловал — в качестве еще одного приятеля на насзвство. Притязания его были весьма серьезные и обширные. Однако его встретили на вокзал почтенным караулом и музыкой и позволили затесаться в один из лучших петербургских домов, излуч, конечно, ему не принадлежащий...

«Мног»? Да как сказать? Вд шел тогда у нас пир на весь мир, и гревы — то на пир были только Ленин и Маяковский.

Одного из Полифем, к которому попал Одисей в своих странствиях, намбрался сожрать Одисея. Ленин и Маяковский (которого еще в гимназии пророчески прозвали Полифемом) были оба тоже довольно прожорливы и весьма сильны своим одностайем. И тот и другой в которое время казались лишь только площадными путями. Но недаром Маяковский назывался футуристом: полифемское будущее России представляло несомненно им. Маяковским, Ленинским. Маяковский утробой поучал, во что больше превратится скор

